

УДК 316.4

ЧЕЛОВЕК В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Зайцева Л.А., к.фил.н., доцент, E-mail: lar.zaitzewa2013@yandex.ru
МГТУ МИРЭА, Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию социальных трансформаций с точки зрения места и значения человека. Статья анализирует новое соотношение между архаикой и современностью. Статья также ставит проблему риска в современном мире.

Ключевые слова: человека, меняющийся мир, государство, глобальные частные организации, архаика, риск.

A MAN IN THE CHANGING WORLD

Zaitzewa L.A. assistant professor, E-mail: lar.zaitzewa2013@yandex.ru
MSTU MIREA, Moscow, Russia

Annotation. This article describes the changing world. It examines a state, a social state and the middle class. The article analyzes the new relation between archaic and modern. It studies the problem of risk in the changing world.

Key words: changing world, state, global private organization, archaic, risk.

Мир, в котором мы сейчас живём, меняется. Он вступил в период трансформации, которая должна привести к таким же качественным изменениям, какие были при переходе от феодализма к капитализму. Можно сказать, что мы присутствуем при цивилизационном переходе. Сколько продлится трансформация -неизвестно, но очевидно, что по масштабам человеческой жизни она может быть длительной. Из этого следует, что современные люди вынуждены жить в меняющемся мире. Одно из ключевых качеств меняющегося мира – это то, что он подвергает сомнению всё, что раньше казалось стабильным и общепризнанным. Претерпевают изменения институты; рушатся правила; уходят в прошлое привычные идеи и модели поведения. Таким образом, возникает совершенно новая среда. Можно попытаться обрисовать эту среду и её составляющие.

Меняется такой фундаментальный институт как государство. Государство перестаёт быть главным игроком на мировой арене. Появляются многочисленные глобальные частные организации: от транснациональных корпораций до преступных ассоциаций, которые вместе с наднациональными структурами, отбирают у государства его мощь. Суверенитет даже самых сильных государств приобретает относительный характер (так экономики США и Китая уже не могут быть отделены друг от друга), а глобальные частные организации начинают обретать подобие суверенитета (так влияние и самостоятельность транснациональных корпораций

превосходит влияние и самостоятельность небольших государств). Всё чаще встречается власть без государства (в лице глобальных частных организаций) и государства без власти (в лице несостоявшихся государств). Государству предстоит определиться со своими основными задачами в меняющемся мире. Что оно должно делать? Государство должно обслуживать сильных в лице глобальных частных организаций (быть платформой помогающей одним глобальным частным организациям и сдерживающей другие глобальные частные организации); или оно должно защищать социально слабых. Государство должно выступить драйвером экономического роста; или оно не должно вмешиваться в экономику; или может быть оно должно реализовать, какую – либо систему идей; или время идеологического государства навсегда ушло. И вообще, какие функции способно осуществлять национальное государства в глобальном мире в условиях конкуренции с другими глобальными игроками?

Особенно интересным представляется вопрос о судьбе социального государства. Развивая идеи Джеффри Сакса высказанные в его книге «Цена цивилизации» можно сказать, что социальное государство – это плата за цивилизацию (надо отметить, что сам Джеффри Сакс не употребляет термин социальное государство). Джеффри Сакс приводит в своей книге высказывание члена Верховного суда США Оливера Уэнделла Холмса: «...я люблю платить налоги. На них я покупаю цивилизацию» [1.с.279]. Социальное государство предстаёт - как неизбежный результат развития цивилизации. Но сейчас социальное государство переживает кризис. Вот как об этом пишет исследователь социального государства Кочеткова Людмила Николаевна: «Однако наступивший XXI век с его постиндустриальной революцией и начавшейся глобализацией продемонстрировал, что социальное государство эпохи индустриального капитализма не может ответить на вызовы постиндустриального общества и само нуждается в срочной модернизации ради сохранения своего предназначения – достижения социального компромисса и стабильности общественного развития» [2.С.189]. И от того каким выйдет социальное государство из этого кризиса во многом будет зависеть облик будущего мира.

Под угрозой оказывается средний класс. Глобализация, технологическое развитие и экономический кризис размывают его. Вот, что пишет Фрэнсис Фукуяма в статье «Будущее истории»: «Но, что если дальнейшее развитие технологий и глобализация подорвёт средний класс и сделает невозможным достижение статуса среднего класса для большинства граждан развитой страны?» [3.] А ведь либеральная демократия и современная рыночная экономика не могут существовать без среднего класса.

Переосмысления требует и сама идея демократии. Сохранится ли демократия как привлекательная концепция в мире будущего или мы вступаем в постдемократический мир. С одной стороны, народы повсеместно хотят принимать участие в управлении и принятии решений. С другой стороны, возникновение и развитие демократии было связано с национальными государствами. А насколько демократия сможет продуктивно функционировать в глобальном мире непонятно. Также пока нет работающих механизмов, позволяющих контролировать глобальную элиту. Вот как характеризует современную глобальную власть Зигмунт Бауман: « Но социальная дезинтеграция является как условием, так и результатом новой технике власти, использующей свободу и искусство ускользания в качестве своих главных инструментов.

Чтобы власть могла быть текучей, мир должен быть свободен от заборов, барьеров, укрепленных границ и контрольно – пропускных пунктов. Любая плотная сеть социальных обязательств, и особенно основанная на территориальном принципе, является препятствием, которое необходимо убрать с пути. Глобальные силы склонны разрушать такие сети ради непрерывности и развития своей текучести, этого основного источника их могущества и гарантии их непобедимости» [4.С.21]. Кроме того элиты национальных государств всё больше превращаются в поп – элиты, призванные развлекать людей и не способные принимать ответственные решения, выходящие за пределы выборного цикла. Вот, что пишет Фарид Закария: «Но прежние элиты представляли собой закрытый круг и основывались на родословной, родстве и этнической близости. Новая система более демократична: людей возвышает их богатство, таланты или известность – и этот процесс отбора, несомненно, является более открытым и предпочтительным. Однако, другое важное отличие в том, что прежние элиты ощущали большую социальную ответственность, в том числе и потому, что их статус был незыблیم. Новые элиты действуют в гораздо более открытом и конкурентном мире...Их интересы не простираются далеко и оказываются ограниченными, их горизонтом становится не отдалённое будущее, а непосредственное завтра. В результате они не думают и не действуют так, как должны были бы думать и действовать элиты и это печально, поскольку они всё ещё являются таковыми» [5.Р.228].

Возникает совершенно новое соотношение между архаикой и современностью. То есть между архаическими структурами, моделями поведения, восприятием мира, идеями и современными. Эпоха модерна, исходя, из идей Просвещения считала, что архаические структуры и модели нужно модернизировать. Причём модерн исходил из концепции европоцентризма; из того, что Европа даёт институты, правила и ценности,

которые нужно взять за образец и к которым нужно стремиться. Эпоха Постмодерна решала проблему соотношения архаики и современности исходя из мультикультурализма, многообразия ценностных систем, релятивизма и игры. Постмодерн рассматривал этот вопрос в парадигме выбора. Вот, что пишет Чарльз Дженкс: «Вызов для Постмодернистского Гамлета представляет богатство выбора. Возможность выбирать и комбинировать традиции избирательно; эклектически взаимодействовать (если слово эклектизм тут подходит) с теми аспектами из прошлого и настоящего, которые наиболее подходят для работы, которой он сейчас занят. Результат творчества; если успешный - прекрасный синтез традиций; если неуспешный - шведский стол» [6.Р.27]. Можно сказать, что Постмодерн считает архаику фрагментами мозаики, из которой состоит мир.

Современная ситуация предполагает симбиоз архаики и современности, который включает: регресс из современности к архаике и использованием современностью архаических структур. Регресс можно проиллюстрировать тем, как обычные люди начинают воспринимать современную науку. Если человек, получивший хорошее образование жил во времена Ньютона, то он имел представление о научной картине мира, свойственной тому времени. Современная наука настолько сложна, что даже знания ученых зачастую ограничены их профессиональными сферами. Обычным человеком наука всё чаще, воспринимается в архаических и мифологизированных формах. Примером могут служить современные мифы о клонировании, адронном коллайдере и чёрных дырах.

Регресс к архаическим структурам происходит также, когда государство и институты, обеспечивающие, его функционирование терпят крах. Тогда законы заменяются «понятиями», а суды правом сильного.

Ещё в конце XX века оценивая, как глобализация воздействует на наш мир, Зигмунт Бауман показал, что изменились соотношение кочевых и оседлых народов: «В течение всей «твёрдой» стадии современности кочевые привычки остались в немилости. Гражданство находилось в тесной взаимосвязи с местом жительства, и отсутствие «постоянного адреса» и принадлежности к определённому государству означало исключение из законопослушного и защищенного законом общества и довольно часто приводило если не к активному судебному преследованию, то к юридическому умалению в правах...Мы являемся свидетелями реванша кочевого образа жизни над принципам территориальности и оседлости. В текучей стадии современности оседлым большинством управляет кочевая и экстерриториальная элита» [4.С.19-20]. То есть можно сказать, что глобальная элита использует для своего

существования архаическую кочевую форму. Часто различные учёные сравнивают глобальный мир, представленный многочисленными игроками с миром феодальной раздробленности или Новым Средневековьем. Вот, что пишет Параг Хана: «Дипломатия XXI века начинает напоминать ту, что господствовало в Средневековье: в сферу её интересов входят и нарождающиеся державы, и многонациональные корпорации, и влиятельные семьи, и гуманисты. И религиозные радикалы, и университеты и наёмники. Успех в этом новом мире мегадипломатии зависит от того сумеют ли ключевые игроки – правительства, бизнес, и организации – объединиться и оперативно направить глобальные ресурсы на решение локальных проблем. Это вовсе не «дедовская» дипломатия, и нынешнее «поколение Y» интуитивно чувствует перемены» [7.]. Таким образом, можно сказать, что современный мир использует Средневековую архитектуру.

В современном мире всё не прочно: институты, государства, правила, финансы. Все деньги в мире – это fiat money, то есть их основой является доверие к государству, а доверия становится всё меньше. В таких условиях архаические структуры могут быть востребованы, так только они могут дать безопасность или иллюзию безопасности. Такими структурами могут быть современные глобальные кланы. Традиционные кланы были организованы по кровно – родовому принципу. Современные глобальные кланы включают людей разделяющие общие цели, ценности, интересы. Отличительным признаком современного клана является ценность связей и своеобразная круговая порука. Если деньги обесцениваются, то их заменяют связи. Если размыты институты, помогающие совершить самоидентификацию и обрести индивидуальность, то их заменят связи. Можно выделить следующие типы кланов.

Номенклатурно – элитные кланы представляют политические, экономические и финансовые элиты национальных государств, чьи интересы перешагнули глобальные границы. Причём одно государство может быть представлено разными кланами, часто враждующими между собой.

Преступные кланы, представленные трансграничными преступными группами, действующими независимо от национальных границ.

Сетевые кланы, представляющие различные сетевые сообщества.

Надо сказать, что наша страна является очень ярким примером симбиоза архаики и современности.

Современный мир меняет отношение к риску. Начиная с эпохи Возрождения, утверждаются идеи об уникальности и неповторимости, каждой человеческой жизни. Новое Время и Просвещение придали новое качество этим идеям. К идеям о

неповторимости и уникальности каждой человеческой жизни они добавили идеи о важности безопасности человеческой жизни. То, что реальный исторический процесс сопровождался религиозными столкновениями, революциями и войнами с бесчисленными жертвами не умоляло значение этих идей. Зачастую считалось, что жертвы принесены ради строительства справедливого и безопасного общества. В последней четверти XX века безопасность стала рассматриваться как продукт демократического и социального государства. Риск стал, допустим, только в экономической сфере, да и то в Европейской рыночной модели он был сильно ограничен. В конце XX века мир стал терять устойчивость, стабильность. После нулевых XXIго века мир можно определить как ещё более неопределённый, нестабильный и опасный. Это означает, что риск надо воспринимать как норму. Безопасность не теряет свою ценность, но она становится всё более условной. Жизнь в Европейских обществах, которую можно было по безопасности сравнить с жизнью животных в зоопарке уходит в прошлое.

Так как же жить человеку в меняющемся мире? В этом мире больше не существует универсальных ответов, моделей. Всякий раз нужно будет искать новое решение. Креативность и готовность к риску вот возможные модели поведения в таком мире.

Список литературы

1. Сакс Д. Цена цивилизации. – М.:Издательство Института Гайдара, 2012. – 350 с.
2. Кочеткова Л. Н. Философский дискурс о социальном государстве. – М.:ИНФРА-М, 2012. – 211 с.
3. Фукуяма Ф. Будущее истории // Россия в глобальной политике, №1 2012 [режим доступа: www.globalaffairs.ru/number/Budushee-istori - 15456]. - 6а с.
4. Бауман З. Текучая современность. – СПб.:Питер, 2008. – 238 с.
5. Zakaria F. The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad. – N.Y.:W.W. Norton & Company, 2003. – 298 p.
6. Jencks C. What Is Post-Modernism? // The Fontana Postmodernism Reader. - Glasgow.:Fontana Press, 1996. – 5 p.
7. Хана П. Новое Средневековье //Россия в глобальной политике, №3 2012 [режим доступа: www.globalaffairs.ru/number/Novoe-Srednevekove - 15530]. -7 с.